

Мамино завещание

Алла Лебедева

16+

Алла Лебедева

Мамино завещание

«Автор»

2020

Лебедева А. М.

Мамино завещание / А. М. Лебедева — «Автор», 2020

История о болезненных отношениях между матерью и дочерью. О детских обидах длиною в жизнь и трудном процессе прощения. Что победит? Дочерняя любовь или материнская холодность?

© Лебедева А. М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Отец	5
Часть 2. Отчим	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алла Лебедева

Мамино завещание

Часть 1. Отец

Мне, ещё не исполнилось одиннадцать лет, а моему брату Сергею было всего девять лет, когда погиб наш отец. В самих обстоятельствах его трагической гибели много неясного. Отец работал водителем на грузовике. Ехал ночным рейсом, из поселка Залари домой, в Черемхово. По дороге, посадил в кабину двух мужчин, своих хороших знакомых. Предположительно, в дороге, между тремя сидящими в кабине, произошел конфликт. Это случилось на развилке дороги, близ села Малиновка. Один из попутчиков, нанес отцу смертельный удар по голове и выкинул из кабины.

Позднее, мы узнали, что отца ударил сотрудник местной прокуратуры. Он сидел рядом с ним. На правом виске отца был отчетливо виден след от удара тупым предметом. Жители села Малиновка рассказывали, что на месте преступления был свидетель. Женщина, пасшая коз вдоль дороги, видела, как из кабины, вытолкнули мужчину. Из кабины выскочили двое мужчин и побежали по дороге, ведущей в город Черемхово.

Женщина подбежала к пострадавшему. Отец был еще жив, он открыл глаза и попытался произнести какое-то слово. Женщина разобрала, что-то, похожее на имя: Иван. Потом отец закрыл глаза и замолчал. Женщина вызвала скорую помощь.

Тогда, в кабине грузовика, с ним был Иван Курганов, его приятель. Он занимал должность помощника районного прокурора. Стоит ли удивляться, что, уголовное дело было закрыто по причине отсутствия состава преступления. Не были опрошены свидетели, не была собрана доказательная база.

«Смерть наступила от травмы головы, вследствие наезда грузовика...» – значит в свидетельстве о смерти. Другими словами, папа, опытный водитель, в здравом рассудке, бросился под колеса собственной машины. Этому не поверил никто из родных и друзей папы. Обращения папиных друзей в милицию, с просьбой пересмотреть уголовное дело, были безрезультатны. Погиб замечательный человек и необыкновенный отец. Никто не был наказан за его смерть.

Отцу было 37 лет. Добрый, ласковый, незлобивый, он был для нас другом, защитником и покровителем. Мы с братишкой Сергеем, не просто, любили его. Он был для нас живым богом. Мы внимали каждому его слову, ловили его улыбку и подражали ему, как умели. Иногда отец брал нас, по очереди, в рейс. Мы с братом дрались за эту очередь. Быть с отцом целый день – несравненное счастье. Сидеть в кабине его машины, наблюдая за дорогой – огромное наслаждение.

Я могла часами замороженно следить за отцовскими сильными руками, уверенно управляющими баранку. Никого на свете, не было милее и дороже отца. Отец был неиссякаемым источником любви, питающим мою детскую душу. Вечерами сидя на подоконнике, мы с братом играли в игру: кто первый увидит папу, идущего с работы? Мы на цыпочках вставали на краешек широкого кухонного подоконника и пытались разглядеть фигуру отца, идущего по переулку домой. Кому удавалось первому, тот и кричал от радости: «Папа! Он идет! Я первый увидел папу!».

Оттесняя друг друга, мы бежали к входной двери. Затаившись, ждали, когда, откроется дверь. С восторженным визгом, бросались навстречу отцу. Папа в рабочей черной тужурке, небольшого роста, худощавый, едва удерживал нас на своей шее. Мы с братом повисали на нём

и тащились за ним до тех пор, пока окрик раздраженной матери не остужал наши безудержные детские эмоции.

Папа садился за кухонный стол и неспешно доставал из своих карманов гостинцы: мятные пряники, конфетки-подушечки, с прилипшим на них табаком. Пока отец ужинал, мы с братом сидели под столом, прижавшись к его ногам. Когда он вставал из-за стола, мы держались за обе его ноги и повисали на них, как гири. Отец пытался шагать, поднимая нас и приводя, тем самым, в неописуемый восторг. С папиной полочки, нам доставалась железная банка мандаринового компота китайского производства с красивой этикеткой и по бутылке лимонада «Крем-сода». Как же, все это было вкусно!

Для нас все, что исходило из рук отца, было важным и значительным. Сам же он, был для нас умнее и красивее отцов наших приятелей. Папа был лучшим! С ним, мы были уверены и непобедимы. Мы никогда не жаловались отцу, если кто-либо, обижал нас на улице. Однако, осознание того, что отец всегда защитит нас, придавало нам с братом сил и помогало справляться со своими детскими проблемами. Мы были любимыми и оттого, защищенными. Отец – это моя вечная боль... О том, что отца больше нет, я узнала от своего соседа Витьки Самарина...

Теплым июньским днем, я ехала на новеньком велосипеде к бабушке. Бабушка с дедушкой жили недалеко от города, на маленькой заимке Осинцева. Солнце светило в глаза, мой велосипед вздрагивал на деревенской неровной тропинке. Я радостно нажимала на педали, ликуя от предстоящей встречи с любимой бабушкой. Мой новенький велосипед еще благоухал краской. Этот восхитительный велосипед "Школьник" яркого оранжевого цвета, подарил мне отец, в честь успешного окончания четвертого класса. Сзади доносился какой-то крик. Прислушалась.

Мой одноклассник и сосед по дому, Витька Самарин ехал на своем велосипеде за мной и кричал: «Анька! Стой! Ваш отец умер!». Я заработала педалями и ускорила скорость. Что он кричит, идиот? Сделала вид, что не слышу его слов. Я, даже не обернувшись, крикнула ему: «Дурак! Ты, все врешь!» и продолжала свой велосипедный маршрут.

Но, вдруг почувствовала, что ноги перестали слушаться, стали неуклюжими, ватными. Пересохло в горле. У меня не было сил крутить педали. В моей детской душе что-то перевернулось. Хотелось кричать и плакать во весь голос. Я так ненавидела, в этот момент, своего соседа. Вот, только что, на велосипеде ехал счастливый жизнерадостный ребенок, а, теперь во мне, словно проснулась страшная фурия.

Мне хотелось ударить Витьку огромным валуном и бросить под проходящий поезд. Идиот! Идиот! Только бы, он закрыл свой рот! А он, продолжал ехать за мной и безжалостно орал: «Ань, стой! Дядя Миша умер! Правда! Мне папка сказал!» Нет! Я не хочу это слышать! Потому что, этого не может быть!

Отец Витьки – дядя Саша Самарин, работал в милиции. Разум говорил мне, что Витька вполне мог узнать от отца о том, что с моим папой что-то, случилось. Он мог заболеть, сломать ногу, повредить руку. Но, умереть папа не может! Как не может погаснуть солнце и не перестанет крутиться земной шар! Не останавливаясь, я, изо всех сил, крутила педали. Наконец, я оторвалась от Витьки и поехала к дому бабушки. Мне хотелось навсегда забыть ужасные Витькины слова.

«Нет! Это неправда!» – кричало все, внутри меня. «Я забуду эти слова, а утром взойдет солнце и ничего этого, уже не будет! – мелькнула мысль, как, спасательный круг. Ничего не сказав бабушке, быстро загнала свой велосипед в ограду и спряталась в бане. Во рту разлилась странная горечь, сердце лихорадочно стучало. «Дурак, вот дурак!» – злилась я на Витьку, пытаясь заглушить осознание того, что случилась беда. Я впервые в жизни столкнулась с холодным словом "смерть"...

А через два дня, в деревню приехала тётя Надя, младшая сестра бабушки. Михаил Прокöpfeвич, ее муж, посадил нас с братом в свою новую белую "Победу" и повез домой. Большие деревянные ворота в нашу ограду были странно распахнуты настежь. В ограде толпился народ. Многие люди были мне знакомы, они жили на нашей улице. Стареньких бабушек в черных платках, я видела впервые. Все разговаривали очень тихо.

Когда вошли мы с братом, в ограде установилась полная тишина. Все устремили взгляды на нас, как будто мы представляли из себя, что-то, чрезвычайно любопытное. Даже наши соседи, видевшие нас каждый день, не спускали с нас глаз. «Сироты, сироты...» – шепотком пронеслось по двору. Мне неприятно было слышать это слово. Оно, как будто, переводило нас с братом в другую, унижительную категорию. От этого слова становилось зябко и страшно. Я вдруг задрожала и решила спрятаться от всего этого кошмара. Забежала в дом и залезла под родительскую кровать. Оттуда я видела входную дверь и всех входящих, а меня, как я думала, не видел никто.

Внезапно, входная тяжелая дверь широко открылась и четверо папиных приятелей внесли на своих плечах гроб. Он был огромным и красным. Гроб проплыл над стоящими людьми и установился в центре зала, на три деревянные табуретки. Туда, где всегда стоял наш большой диван. Я боялась подумать о том, кто лежит в этом жутком гробу. Крепко ухватилась за металлическую ножку кровати и зажмурила глаза. «Ничего этого нет, мне это приснилось!» – сказала я себе.

Вдруг, чьи-то чужие холодные руки стали вытаскивать меня из-под кровати. Я отчаянно сопротивлялась и кричала, чтобы меня не трогали. Чей-то женский голос неуверенно произнёс: «Может, не надо трогать девочку?» Но другой голос, визгливый и нервный, с раздражением, ответил: «Надо же, ей с отцом проститься! Большая уже девочка! Пусть сидит возле него!» Меня подхватили под руки и потащили в большую комнату. Там, на месте дивана, стоял этот страшный красный гроб.

– «Откуда мне знаком этот плющ, которым обит гроб? Это же наши плюшевые шторы! Они висели, на входе в зал. Зачем, мать отдала на гроб, наши красные плюшевые шторы? Зачем она отдала шторы?» – всплыл в моей голове вопрос. Потом появился белый вязкий туман, гроб вздрогнул и медленно поплыл, прямо на меня...

Я очнулась уже на диване, в спальне. Возле меня сидела тётя Даша, сестра матери. Она держала меня за руку. – «Аня! Полежи спокойно, ты была в обмороке!» – сказала тихо тётя Даша и потрогала мой лоб. Из спальни, я снова увидела гроб. Сидящую возле него, в чёрном шарфе, мать, много толпящихся людей. Нестерпимо болела голова. «Скоро все разойдутся и все закончится!» – подумала я.

Человека, лежащего в гробу, я не отождествляла с отцом. Отец – это отец, теплый, добрый, родной. А это чужой холодный человек, лежит в новом черном костюме, с новым носовым платком в синих руках. Какая-то незнакомая тётка, протирает его восковое лицо одеколоном "Жасмин". Запах одеколона плыл по воздуху и наполнял меня ужасом. Тогда, я еще не знала, что запах жасмина теперь навсегда, будет ассоциироваться для меня со смертью...

Папу хоронили в день его рождения, 24 июня. Гроб вытащили на улицу и установили в ограде. Тетя Маша, сестра папы, надела на меня черный платок. Пришел фотограф и начал фотографировать нас. Был солнечный июньский день. Но, вдруг, откуда-то набежала тучка, и брызнул короткий дождь. Капли блестели на папином восковом лице и на шерсти костюма. «Погода плачет. Хороший человек умер...», – услышала я, позади себя.

Когда похоронная процессия шла по городу, за ней ехали машины с папиной четвертой автобазы. Было много народу. Папу любили сослуживцы, за его доброту, веселый характер и умение починить любую машину. Любили соседи и друзья, за готовность помочь в любой нужде и бескорыстие. Я помню три длинных одновременных гудка десятков машин, от силы которого закладывало в ушах. – «Вроде, простой шофёр, а почести, как начальнику... Слы-

шите, как гудят?» – говорили в похоронных рядах. За гробом медленно шла мама, поддерживаемая тётёй Дашей. Следом, сестра отца, тётя Маша, вела нас с братом.

Я смотрела на плачущую мать. Она шла в черном платье, на голове, повязан шелковый черный шарфик. Гнев закипел в моей детской душе. Как она ловко притворяется, что скорбит по отцу! Не раз, я слышала, как она кричала ему: «Чтоб, ты сдох!». Вот он и умер. А, теперь, выходит, все её жалеют! Они думают, что она, действительно страдает. А, на самом деле, она радуется, что папа умер. – «Это, она виновата, что, умер папа! Она виновата, она!» – закричала я, показывая рукой на мать. Тетя Маша рукой зажала мне рот...

Часть 2. Отчим

С момента смерти отца, закончилось и моё счастливое детство. Оборвался светлый отрезок времени, когда я была любимой папиной дочкой. Смерть отца поделила мою жизнь на две части. Та лучезарная часть, освещенная отцовской любовью, теперь превратилась в прошлое. Началась другая: суровая, черно-серого оттенка реальность. Денег в семье не хватало, учительская зарплата матери была маленькой. Нам с братом выплачивали пенсию по утере кормильца: 44 рубля 50 копеек в месяц. Мама вынуждена была работать в две смены.

С работы она приходила уставшая, злая. Если, отца мы любили, то мать всегда боялись. Став взрослой, я с благодарностью, осознаю, что мама зарабатывала деньги, чтобы кормить и одевать нас. Мы с братом никогда не нуждались в еде, носили хорошую одежду. Все это, теперь, благодаря маме. Но, мы не знали, что такое, материнская любовь. Мы были сыты, одеты и несчастны, одновременно.

Я с удивлением слушала, как мои сверстники рассказывают про своих матерей. Оказывается, мать может произносить ласковые слова, гладить ребенка по голове, читать книжки, целовать его перед сном. Мы с братом, ничего этого не знали. Зато, мы знали места во дворе, куда можно убежать и спрятаться, когда мама приходит с работы в плохом настроении. А настроение у нее, редко бывало хорошим. Мама всегда была недовольна. Когда в детском саду, мне дали разучить стишок про ласковую маму, я отказалась озвучить его. Воспитатели удивились моему упрямству. Они не догадывались, что я не могу связать воедино эти два слова: "ласковая" и "мама".

Для меня, эти слова были прямо противоположны по смыслу. Потому, как мы с братом видели маму только в негативных состояниях. Она почти всегда пребывала в нервном, раздраженном настроении. Срывалась на нас, обрушивая поток ругательств. Когда был жив отец, он нас в обиду не давал. Он сурово одергивал жену. В его присутствии, мама кричала на нас, но не смела трогать. Теперь, когда папы не стало, ее никто не сдерживал. Если, мы не успевали убежать на улицу, то нам доставались от неё пинки и подзатыльники.

Она подходила к нам близко, только с одной целью – чтобы ударить. Неудивительно, что мы старались держаться от нее подальше. А чаще всего, она порола нас ремнем. Мама была физически крепкой женщиной и рука у нее была тяжёлая. Однажды она жестоко избила брата пряжкой ремня, за двойку по русскому языку. Вряд ли, эта двойка была причиной маминой жестокости. Просто начав бить, мама не могла остановиться. Вся спина у брата, была в кровоподтеках. Он лежал на животе, размазывая слезы по грязным щекам. В это время, я пряталась в кладовке, за шкафами.

Опасаясь того, что в школе могут увидеть следы побоев, она неделю не отпускала Сергея в школу. Мама работала учителем начальных классов. За избиение ребенка, могло последовать увольнение из школы. Три дня брат лежал на животе, всхлипывая от боли. Бабушка, приехавшая к нам в гости, расстегнула рубашку на брате и охнула, увидев его израненную спину. Помню, как бабушка побледнела и привалилась к ножке кухонного стола. Дождавшись, когда мать придет с работы, бабушка взяла полено и стала гоняться за дочерью по ограде.

Мы никогда не видели нашу спокойную бабушку такой сердитой. –«Изверг, фашистка! За что, ты их так? Дети-то, чем виноваты?» – приговаривала она, пытаясь ударить мать поленом по голове. Та ловко, уворачивалась от удара. Мы с братом, наблюдали это зрелище с тайным удовольствием. Больше, побоев пряжками не было. После этого, мать била нас, только по голове и ягодицам, не оставляя видимых следов.

Однажды, я спряталась от ее гнева под кровать. Мать, с силой, выдернула меня и вывихнула мою левую ногу. Когда моя нога распухла, мама повезла меня в больницу, сказав врачу, что я упала с крыши. Месяц я провела в гипсе, проживая у бабушки. Радостно скакая на одной

ноге, я была довольна, что нахожусь под надежной защитой. Бабушка всегда была моим ангелом-хранителем.

Но, через месяц гипс сняли, а меня вернули домой. Я была очень расстроена, что нога так быстро зажила. Кроме шлепков и подзатыльников, мать не жалела словесных оскорблений. – «Ненавижу! Выродки, ублюдки, навязались, на мою голову! Что б вы сдохли!» – это мы с братом слышали ежедневно, еще не зная значения этих бранных слов. Мы привыкли слушать ругань матери, держась от нее, на безопасном расстоянии.

Пусть орет! Лишь бы, не била! «Вот воскреснет папа, он ей покажет!» – мечтали мы с братом вечерами, засыпая со слезами на глазах. В чудесное папино воскрешение мы верили очень долго. А я мечтала, чтобы скорее закончить школу и уехать из ненавистного мне дома.

Через год тетя Даша забрала брата Сергея к себе. Я осталась жить с матерью. В отличие, от меня, брат Сергей был тихим и послушным. Думаю, мама сломала моего брата, как куклу. Когда она его била, он даже не сопротивлялся. Тетя Даша любила покорных детей. Я ей не нравилась.

Думаю, во многом, тетя была права. Чем старше я становилась, тем хуже, становился мой характер. Я стала грубо разговаривать с матерью. Поняв, что, она боится осуждения людей, угрожала пожаловаться классной руководительнице, если она попробует ударить меня. Я защищалась от матери, как только могла. Угроза того, что я предам огласке ее жестокое отношение к детям, сильно ее пугала. Замахнувшись, мама встречала мой направленный взгляд, полный ненависти. Ее рука опускалась.

Однажды, мама все же ударила меня ремнем. Моя одноклассница Наташа Груздева, поссорившись со мной, наядбедничала маме, что я перебрасывалась записочками с Шамилем Шарыповым, на уроке математики. Мама как раз была в плохом настроении. Я хотела объяснить ей, что записку мне кинул Шамиль, а я вернула ее обратно, не читая. Но мама не стала слушать меня. Она достала ремень, оставшийся от отцовских брюк и приступила к расправе.

Первый удар пришелся мне по плечу. Я хотела увернуться, но мама схватила меня за волосы. От боли я вздрогнула и закричала: «Попробуй еще ударить! Я убегу в детдом!» Мама опешила и переспросила: «Куда?» Я вырвала свои волосы из ее рук, отбежала на расстояние и продолжила: «Я знаю, где находится детдом! Уйду от тебя! Лучше буду жить в детдоме, чем с тобой! Я ненавижу тебя!»

«Ах, ты тварь неблагодарная!» – сказала мать, но ремень отложила. Взяла меня за шиворот и выкинула за дверь. На улице уже смеркалось. Я вышла за ворота и села на скамейку. Ждала, что мама выйдет и позовет меня. Но, она не выходила. Слезы злости и обиды капали из глаз на пыльную дорогу. Поеживаясь от холода, я сидела на скамейке и не знала, что делать. Мне хотелось умереть от холода, чтобы мама терзалась от своих несправедливых действий.

Мимо меня, с работы шел дядя Саша Самарин. – «Аня, а ты чего здесь сидишь? Поздно уже!» – спросил он. – «Меня мама из дома выгнала!» – всхлипнула я, вытирая слезы рукавом. Дядя Саша взял меня за руку и повел к себе домой. Там, тетя Лена накормила меня домашними котлетами и уложила на старом диване, в зале. У них в доме было так хорошо и тихо, что я свернулась калачиком и мгновенно уснула.

На следующее утро, я постучала в дверь нашего дома. Она оказалась открыта. Мамы дома не было. На теплой плите стояла сковорода с жареной картошкой. Я поела картошку и пошла в школу. Вечером, с работы пришла мама вместе со своей подругой Зоей Сергеевной. Я ушла в детскую и легла спать. Но дверь оставила приоткрытой.

«Зоя, не знаю, что делать с Анькой! Она совсем обнаглела! У нее отцовский характер! Вчера хотела проучить ее ремнем, а она сказала, что уйдет из дома! А вдруг, правда, уйдет? Что, тогда делать? Меня сразу уволят с работы! Почему у меня такой ребенок, Зоя? Меня тоже пороли, но я не смела перечить родителям!» – жаловалась мама подруге, думая, что я сплю. – «Лиза, Ане уже двенадцать лет! Не надо бить девочку! Сдержи себя! Иначе, наживешь себе

неприятностей! Аня твоя – отчаянная девчонка!» – тихо ответила Зоя Сергеевна. С тех пор, мама обзывала меня разными словами, но больше не била.

Теперь, мы с мамой жили вдвоем. Хотя, вдвоем мы были редко. Всеми силами, я избегала общения с мамой. После школы, убегала на улицу, ходила к подружке, чтобы вместе делать уроки. Старалась прийти попозже, чтобы, мать уже начала проверять школьные тетради своих учеников. В такие часы, ей было не до меня, она была занята. Часов в девять вечера, мать часто уходила к Зое Сергеевне.

Возвращалась она, когда я уже спала. Бывало, что она приходила только, под утро. Я любила дни и вечера, когда была одна в доме. Одной, мне было весело и хорошо. Страх приходил вместе с мамой. Если, она заставала в доме моих подружек, те убегали сразу. Вслед им, неслась мамина отборная ругань. Маме не нравилось, когда я приглашаю посторонних.

Желанными были только мамины гости. Преимущественно, мужчины. Иногда, они засиживались допоздна и оставались на ночь. Когда отец погиб, маме было всего тридцать один год. Она была молодой красивой блондинкой с зелеными глазами. Ее фигура, уже наливавшаяся полнотой, все еще была привлекательной. – «Ох, Лиза! Отбоя от поклонников нет!» – часто ворчала бабушка.

Часто, приходя из школы, я заставала мать в обществе незнакомых мужчин. Компания сидела за накрытым столом. Они пели песни, громко смеялись. Мама весело шутила, пела и играла на мандолине. Когда мама запевала, вокруг все затихало. Особенно она любила песни из репертуара знаменитой Людмилы Зыкиной. Мне нравилась песня: «Вот она, милая роща! Ветер шумит над рекой!» Я слушала, как поет мама и удивлялась. Она пела очень красиво и душевно. Ее голос был мелодичным и завораживающим. Это была радостная женщина, совершенно, незнакомая мне.

От той холодной, властной женщины, которой она, обычно, представала перед отцом, не было и следа. Ее пушистая светлорусая коса спускалась ниже пояса, когда она склонялась над струнами. Ее зеленые глаза сияли, как изумруды. Когда, был жив отец, мать всегда ходила с туго заколотым узлом на затылке. Тогда, ее взгляд был жесткий и отстраненный. А теперь, она, словно, расцвела и помолодела.

В присутствии своих гостей, мама становилась особенно ласковой. С улыбкой, давала мне двадцать копеек и отправляла погулять. Я была счастлива. Сразу, бежала на рынок за мороженым или покупала кусочек восхитительной листовничной серы. Серу я не только жевала, из нее можно было выдувать забавные пузыри.

Радуюсь, предоставленной свободе, я целыми днями бродила по улицам или просиживала у соседей. С соседями Самариными мы были почти родственниками. Наши дома стояли рядом. С их сыном Витей, мы сидели за одной партой, а после школы вместе, играли на улице. Уроки часто делали, тоже с Витей, сидя за одним кухонным столом. Училась я всегда, на "отлично". Мечта окончить школу и уехать из дома, стимулировала мои старания. Только Витька, мой друг, знал об этом. У Вити отметки были средними.

Часто, он просто списывал мои домашние задания. – «Я не хочу хорошо учиться, чтобы куда-нибудь, уехать из дома. Мне и здесь, хорошо!» – говорил мне Витька. Я вздыхала, молча, подвигала ему свою тетрадку так, чтобы тетя Лена не заметила. Она считала, что я очень благотворно действую на ее ленивого сынишку.

Вечерами, когда матери не было дома, тетя Лена отправляла за мной Витьку. Витька пролезал через дыру в заборе. Отодвинув оторванную доску, он оказывался возле нашего крыльца. Я приходила и садилась ужинать вместе с ними. Воспоминания о моем детстве, были бы слишком грустными, если бы не было семьи Самариных.

Судьба всегда посылает детям таких людей, чтобы их горькая сиротская доля, хоть немного, стала легче. Дядя Саша, хозяин дома, работал начальником городского отдела милиции. Бывало, по вечерам, мы просили его: «Расскажи, про бандитов!». Тогда, он рассказывал

нам разные истории про поиск и поимку злостных преступников. Мы с восхищением слушали, и работа милиционера рисовалась нам только в героических красках. Дядя Саша был другом нашего отца, он относился к нам с братом, как к родным. От его жены, тети Лены, полной, краснощекой женщины, на меня изливался, фонтан спокойной доброты.

– «Пусть, мать свою судьбу устроит! Не сердись на нее!», – говорила добрая тетя Лена, наливая мне чай и пододвигая сахарницу. Она жалела меня, видя полное равнодушие мамы. Она полагала, что я нуждаюсь в материнской заботе. Милая тетя Лена! Я же, тогда, считала, что внимание мамы не было нужно. Ничего доброго, оно мне не сулило. Все, чего я хотела – это, чтобы как можно реже видеться с ней.

Когда, наступали каникулы, я жила у бабушки. Ездил к ней сама. Я была самостоятельной девочкой. Когда дети не нужны матери, они быстро, взрослеют и ориентируются в окружающей среде. Так, в животном мире, самка некоторых видов, оставляет своих детенышей в лесу и убегает от них. Тогда, выжившие в суровых условиях, детеныши быстро взрослеют. Орлица, в определенный момент, выкидывает орлят из гнезда. Тогда, птенцы, в страхе разбиться, быстрее расправляют свои крылья. Так, происходило со мной.

Мать давала мне деньги на автобусный билет. Ее вовсе не смущало, как я одна, пройду три километра до автостанции. В одиннадцать лет, я знала наизусть, расписание всех проходных автобусных маршрутов до заимки Осинцева, где жила бабушка. Несмотря на то, что автостанция находилась, далеко от нашего дома, я через пустырь шла туда пешком.

В просторном зале автостанции, вставала в очередь за билетами. Я была настолько маленького роста, что не доставала до окошечка кассы. Однако, кассир тетя Ася уже знала меня и не спрашивала наименование конечного пункта. Молча, она пробивала картонный коричневый билетик и с улыбкой подавала мне. Муж тети Ани, когда-то, работал с моим отцом. Когда папа был жив...

В ожидании автобуса, я смотрела на кованую решетку, за которой, когда-то, работал отец. Эта чугунная ограда автобазы, напоминала мне об отце. Четвертая автобаза, где трудился отец, находилась сразу за забором автостанции. Мы с братом, знали этот район, как свой собственный. – « Не пойду! Мама не разрешает!» – часто говорил мне мой трусливый брат. Он был послушным, в отличие, от меня. Несмотря на материнские запреты, я часто бегала к отцу на работу. За что, мне доставалось от матери.

Но, я снова и снова прибегала к деревянной проходной, просила пропустить меня к отцу. Пожилая вахтерша открывала мне скрипучую чугунную калитку и я мчалась на территорию автобазы. Отец, весь в мазуте и в засаленном комбинезоне обычно сидел возле своей машины. Если, он не был в рейсе, то сам чинил свой грузовик. Косточки на его пальцах были сбиты, в кожу рук въелся мазут. Увидев меня, он радостно улыбался: « Дочка, опять нам от матери влетит!». Но, с ним я уже ничего не боялась.

Домой мы шагали, вместе с папой. Он крепко держал меня за руку, а я с радостью вдыхала неповторимый запах табака и солярки, исходивший от его рабочей одежды. Самый сладостный запах на свете... Теперь, междугородний автобус мчал меня к бабушке, мимо ворот четвертой автобазы, где мне, уже, не к кому, прибегать.

В доме у бабушки, я успокаивалась, напитывалась атмосферой деревенской тишины и покоя. Дни каникул, как всякие счастливые дни, пролетали стремительно. Я успокаивала себя, что до окончания школы, мне надо вытерпеть еще четыре года. Всего четыре года – говорила я себе, чтобы было легче ждать.

Действительно, вскоре слова соседки тети Лены сбылись. У матери, появился постоянный кавалер. Это был светловолосый стройный мужчина с голубыми глазами. Он был полным антиподом нашего отца, невысокого и черноволосого. Его, тоже звали Михаил. Михаил второй, прозвали мы его, за глаза, с братом. Вскоре, мы узнали, что он недавно развелся со своей бывшей женой и собирается сделать матери предложение. У нас появился отчим.

Выйдя замуж за Михаила второго, мать решила на переезд. Думаю, мама опасалась, что у нового мужа могут возобновиться отношения с бывшей женой. Продав дом, мы уехали на север, где жила тётя Даша. Мне жаль было, расставаться с нашими милыми сердцу, Самаринскими, с родным домом, привычным обществом друзей и приятелей. За неделю до нашего отъезда, умер наш старый сторожевой пес Дозор. Еще вечером, он положил на мои плечи свои широкие лапы и лизнул в лицо, словно прощаясь. Я подумала, что Дозор чувствует, что мы уезжаем.

Утром, я увидела, что Дозор лежит возле своей конуры, дремлет на солнце. Я окликнула его, но он не отозвался. Подошла к нему, потрогала за шею. Дозор был холодным. Я села, возле него, рыдая. – «Дозор прожил 16 лет. Пойми, он прожил всю свою собачью жизнь!» – успокаивал меня сосед Витька. Но, я была уверена: Дозор знал, что мы его оставляем. Без нас, он жить не захотел. Оттого, слезы лились потоком из моих глаз.

Зато, мама радостно суетилась, складывая вещи в коробки. Обычно, скупая на подарки, она щедро одаривала соседей и знакомых посудой, стульями, тумбочками и разной кухонной утварью. Наблюдая за ней, я думала, что она готовится к какой-то другой счастливой жизни. И радуется, что прежняя закончилась.

Нас с мамой, усадили в большую кабину «Камаза». В кузов были погружены вещи. Мы очень долго ехали по таежной трассе. Дорога была в глубоких колеях. Вековые сосны и кедровые деревья доставали своими ветками до крыши грузовика. Чем дальше от родного Черемхово мы уезжали, тем печальнее мне становилось.

Остановились в небольшом поселке, выстроенном среди непроходимого леса. Потом, проехали по широкой улице до нового бревенчатого дома на два хозяина. Нам принадлежала левая половина: две комнаты и небольшая кухня. Получить жилье, нам помог муж тети Даши – дядя Гена, который занимал должность директора местного леспромхоза.

У нашей мамы началась другая счастливая жизнь. Она любила своего нового мужа, их чувства были взаимными. С приходом Михаила второго, мама стала мягче и добрее. Перестала срываться по пустякам, реже раздражалась, чаще улыбалась. Она становилась ласковой, в присутствии Михаила. Вечерами, она готовила вкусный ужин для мужа, напевая веселые песенки. Стала покупать нам с братом красивые вещи.

Я удивлялась этим переменам. Иногда, она подходила ко мне. Я привычно сжималась, ожидая удара. Но, мама совсем перестала нас бить. Бывали минуты, она называла меня доченькой, и моего детского сердца касалась теплая волна непривычного ощущения. В такие минуты, я замирала, не зная, как реагировать на эти непривычные слова. Мы с Сергеем понимали, что обязаны этим переменам, Михаилу второму. Мать ласково звала его: Миня, Минечка.

Первое время, мы с братом демонстративно не общались с отчимом. Делали вид, что не замечаем его. Жива была память об отце. Нам казалось, что мать слишком поторопилась с замужеством. Ведь, со дня смерти отца прошло всего два года. Мы скептически, слушали материнское воркование с дядей Мишей. Когда отчим приходил с работы, в руках его всегда был букетик полевых цветов или лесные ягоды. Все это, он дарил матери, которая целовала его у дверей.

Мы с братом злились на отчима, всячески игнорируя его внимание к нам. Было так обидно за отца. Мы хорошо помнили, что папа не видел от жены, такого доброго отношения. Ему доставались одни упреки и оскорбления. Думаю, за двенадцать лет брака, мать так и не полюбила нашего отца. Скорее, наоборот.

Сейчас ей хотелось, чтобы мы разделяли ее чувства к новому избраннику. Наше равнодушие к отчиму сводило её с ума. – «Почему, вы его не любите?» – пыталась она нас с братом, пока Михаил второй был на работе. Мы хранили молчание, чем еще сильнее раздражали мать. А что, мы могли ответить? Как понять, почему одних мы любим, а других, нет? Необходимо

было время, чтобы наше детское горе улеглось, и мы смирились с потерей отца. Но, маме хотелось, чтобы мы автоматически переключились, как телевизионные каналы, на другую любовь.

Надо признать, Михаил второй был неплохим человеком. Благодаря ему, наша семья стала благополучнее, в материальном смысле. Отчим трудился на тяжелой работе по погрузке лесоматериалов, где хорошо платили. Он, довольно спокойно относился к нашим проявлениям протеста. Пытался наладить с нами добрые отношения и смягчал суровость материнского характера. Со временем, мы привыкли к нему, он перестал нас тяготить. Наши взаимоотношения можно было назвать дипломатическими.

С годами, мы стали еще больше ценить нашего отчима, испытывая к нему теплое чувство благодарности. Но, кто может заменить ребенку родного отца? Никто. Как, самый современный протез, не может заменить, полностью, руку или ногу, так самый лучший отчим на свете не заменит родного, единственного отца.

День окончания десятого класса, был днем моего триумфа. Когда мы с одноклассниками, нарядные и взволнованные стояли на линейке, вдруг, пошел мокрый снег. Даже, в наших северных краях, июньский снег был большой редкостью. Снежинки падали на теплую землю, на зеленую траву, превращаясь в прозрачную сверкающую влагу. Девочки плакали от грусти, прощаясь со школой. На моих щеках, таявшие снежинки смешивались со слезами радости от мысли, что я скоро покину родительский дом. Мой аттестат был лучшим, в выпуске. Я воплотила свою первую мечту...

Через две недели, я уже была в Иркутске. Мне было полных шестнадцать лет. В кармане лежало сто пятьдесят рублей, выданных матерью и выстрадавшая свобода самой вершить свою судьбу. Я не знала, какие трудности подстерегают юную девушку, в незнакомом городе. Зато, знала наверняка: никогда я не вернусь домой, не добившись своей цели. Моя цель была простой – получить высшее образование и стать самостоятельным человеком.

На следующий год, в нашей семье произошло событие, которое лишило меня и тех редких минут материнского внимания. Когда, мне исполнилось семнадцать лет, мама забеременела. Об этом, я прочитала из ее радостного письма. «Хоть бы родился мальчик! Тогда есть надежда, что мама, все же, полюбит меня!» – подумала я.

Приехав на каникулы, я узнала, что мама родила девочку. Отчетливо, помню тот апрельский день, когда счастливый отчим торжественно внес в дом и положил на диван розовый сверток.

Я подошла и взяла новорожденную девочку на руки. Из кухни вышла мать. Увидев меня с ребенком на руках, она побледнела и воскликнула: «Ой! Не трогай ее!» На ее лице было странное выражение страха, словно ребенка взял чужой человек.

Этот материнский возглас, словно проложил непреодолимую черту между мной и этим новорожденным ребенком. Мне стало так неприятно, что я сразу положила ребенка на диван и выбежала из комнаты. С тех пор, ни разу, не взяла на руки свою сводную сестру.

В нашей двухкомнатной квартире стало тесно. Маленькая Люся нуждалась в отдельной комнате. Нас с братом выселили из детской. Туда поставили кровать родителей и Люсину кроватку. Мне и Сергею, поставили кровати в общей комнате. Все внимание матери и отчима было приковано к неожиданному чуду, случившемуся в их жизни. Маме было 39 лет, а отчиму, исполнилось 41 год. Люся была их поздним ребенком.

У нас с братом, было полное ощущение, что мы мешаем этой счастливой молодой семье. Впрочем, окончив школу, дома мы бывали редко. Я училась в областном центре, а брат ушел по призыву, в армию. Полагаю, мама даже не заметила нашего отсутствия, поскольку, новорожденная дочка всецело завладела её вниманием. Первые шаги Люсеньки, первые слова Люсеньки, её необыкновенный ум – только про это, я слышала в редкие дни приезда домой.

Мои отличные отметки в зачетке, успехи брата на работе – все меркло и бледнело, в материнском сознании, в сравнении, с гениальным лепетанием Люсечки. – «Ну, ты только

послушай, что она сказала! Какой способный ребенок!» – бесцеремонно обрывала мама меня, на полуслове. Я приезжала на пару дней, не больше. После чего, хотелось, тут же, уехать назад. Целыми днями слышала сюсюканье: « Мой котик, мое золотце, моя любимая девочка!»

Я не узнавала собственную мать. От старших родственников я знала, что, маму выдали за нашего отца без ее согласия. Это была воля моего деспотичного деда. Таким образом, мы – дети от нелюбимого мужа. Отчима мама любила, насколько она была способна к проявлению чувств. Во всяком случае, Михаил второй, был ее выбором. Его спокойный покладистый нрав подходил для властной матери. Без ее разрешения, отчим шагу не делал. – «Лизок, как скажешь!» – повторял он, подчиняясь ее распоряжениям, легко и бесприкословно. Словом, они вполне подходили друг другу.

Натура мамы, была сдержанной и холодной. Проявлять свои чувства она не любила. Такой, мы с братом знали свою маму. Но теперь, я наблюдала необыкновенную метаморфозу, произошедшую с ней. Она не спускала Люсю с рук, целуя и лаская. У нас с братом, была совсем иная мать, чем у нашей сводной сестры. Брат, приезжая, возился с Люсей, менял подгузники, играл с ребенком. Чего, однако, не скажешь обо мне.

Мать возмущало, что я не разделяла всеобщего восхищения сводной сестрой. К слову сказать, я была совершенно равнодушна к Люсе. Она не вызывала у меня никаких эмоций. Не потому, что она была моей сестрой. Маленькие дети, никогда не вызывали во мне приятных чувств.

С детства, я только и слышала: « Ты старшая, тебе нельзя! Они маленькие – им можно!» Сейчас, я думаю, что равнодушие к Люсе, было проявлением моего подросткового эгоизма. Но, сердцу не прикажешь. А может, так выливалась одна из форм моего психологического протеста против матери. Люся, не ведая того, лишила нас с братом той жалкой надежды на материнскую любовь, которую мы имели до ее рождения.

Я, вполне понимала, что этот ребенок совсем не виноват, что она родилась любимой дочкой, а, мы с братом – нет. Уж больно врезались в память тяжёлые воспоминания, когда мы с братом ходили с ярлыками «дураков, дебилов, выроdkов». Просто, разница в отношениях была слишком огромна и неприятна. Разница была колоссальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.